

смена

отдел «Молодая гвардия» © 1951

30

шаг выверяй хозрасчетом,
вбей в обезличку кол
иди молодой рабочий
В ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ

с. кирсанов

молодежная хозрасчетная бригада сборочного цеха
завода «Красный Путиловец» в Ленинграде.

Фото С. Яковлева

днепрострой

монтаж „улиток“

ФОТ. В. ИГНАТОВИЧ

МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА АРМАТУРНОГО ЦЕХА ЗАВОДА МОСЭЛЕКТРИ

ребята!

бригадами крепче держись,
старина должна быть нами оставлена
товарищи, претворяйте в жизнь
шесть условий товарища сталина

(с. керсанов)

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

смена 30

октябрь 1931

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи • орган ЦК и МК ВЛКСМ
ответственный редактор редколлегия

зам. ред. А. Волков-Ланитт принимает авторов и художников с 12 до 3 час. дня
зд. ОГКЗ «Новая гвардия» • адрес редакции: москва, центр, б. Чернышевский пер., л. 6, тел. 5-67-01
номер оформила в. Дружная, с. нембарга; фототехнические процессы под руководством и. Соловьева

Группа молодых немецких рабочих шла на станцию. Германская ночь была прохладна, и с востока, из наших советских степей, прилетал ветер. Немецкие ребята спешили к поезду.

Американские темпы, говорят у нас, когда хотят подчеркнуть быстроту. В Германии раньше тоже так говорили, а теперь говорят иначе.

Поезд был близок. Он шумел. Станция была маленькая, поезд должен был притти и убраться дальше, спустя минуту. Немецкий паренёк, взявшись у рукой, крикнул своим товарищам:

«А ну, ребята, советским темпом!» — И вся группа рабочих пустилась бегом брать подходящий поезд.

Советский темп стал нарицательным. О советском темпе говорят на Западе один с содроганием, другие — с восхищением и радостью.

У горы Атач, где шли когда-то боевые отряды Каширина, выстроены первые дома Магнитостроя. На одном из ярусов второй дома белыми буквами выткана надпись: «Комсомольская № 2». В июне эта дома по монтажу обогнала первую. Комсомольцы взяли оставшуюся домику на буксир. Все общественные организации бросились на помощь отстающей. И тогда оппортунисты из Теплоостроя величаво изрекли:

— Дому № 2 к сроку закончить невозможно.

Время срывалось с календаря и дни уносились, взвихренные темпом. Знаете чувство, которое испытывает пассажир, не доставший еще билета, когда слышен грохот подходящего поезда. Это чувство испытывали магнитогорские ребята. Первое октября приближалось с быстротой курьерского. И тогда комсомольцы выдвинули встречный: «К 17 МЮДУ догнать доми № 1. К 25 сентября подготовить к пуску».

Чтобы достать рабсилу, на Украину двинулись вербовщики. Они искали капельщиков, они звали кладчиков стнеупора. Другие поначались на железнодорожные узлы, на станции и мостушки, чтобы пробить дорожку конструкторам для кауперов. Комсомольские темпачи наводили Карты, осыпая Троицк и на Оренбурга выкачали все, что могли.

А на стройке, по инициативе комсомольцев, среди капельщиков первого каупера разгорелась производственная спартакиада.

Но хотя свави оппортунистов из теплоостроя, время было упущено. Оно пропало, несмотря на все усанья, как вода сквозь сеть.

В день пуска по области должен был быть проведен молодежный праздник. Наступило 1 октября, дома были почти готовы. Они стояли, окруженные трубами воздухоподогревателей, похода на исподних поварих. Задуать их было нельзя. Кругом валялся строительный мусор, кое где остались недоделка и хвосты.

В тайге большой разговор

«Втайне Где ты? Слышишь ли ты все это?»
(И. Гоголь, «Тарас Бульба»)

эль-регисман
рис. в. константинова.

1 Доклады официально, —муро обреза Заноха шумлявого Михайлау, который, возбужденно жестикулируя, доказывал Ковтунцу, что эта толстая, зарывавшаяся Акулина, уборщица пункта, не иначе, как намерена построить двухэтажный дом с резными летушками над крыльцом, раз она трещит, стерва, за стирку одной пары подштанников 12 коп.

Михайло, обрвав свою разоблачительную речь, приступил к официальному изложению событий. Чайчук, выдвинув сундучок из-под нар, сел за протокол.

Писал Чайчук:

«Слушаем: тов. Бондаренко, Михайло Ивановича, что уборщица Акулина, состоящая при Ачинском переселенческом пункте (она же врид. прячка) требовала за стирку пяти подштанников членов группы по организации красноармейской с.-х. коммуны «У зброй» по 12 коп. и за три полотенца по 8 коп.»

Бывший комзвод Ковтунец тяжело вздохнул, готовясь выступить в прениях. Он вспомнил, с какой торжественностью проводил их на Харьковский вокзал 3-й полк Н-ской Украинской дивизии 5 недель тому назад. На них возлагалась почетнейшая задача организовать коммуны демобилизованных красноармейцев. Но дела шли неважно; дела не подвинулись ни на йоту. Вздохал Ковтунец, готовясь обрушиться в прениях на уборщицу Акулину: писала свой протокол Чайчук:

«... В прениях высказались тов. Заноха Грищико, Ковтунец И. Н., Соенко и секретарь Иван Чайчук, единогласно утвердившие, что ни, в коем случае означенное в дальнейшем несомненно, в виду нежелания расплываться суммами основного капитала».

Тов. Бондаренко от заключительного слова отказался.

Писал Чайчук свой протокол, извая карандаш в заготовленную на отдельной бумажке слону:

«Постановили: 1. Учить с уборщицей Акулиной (она же врид. прячка) полный и окончательный расчет—84 коп.

2. Прекратить разбрасываемость капитала коммуны, какой имеется в наличности 46 р. 60 к., приостановив подобную безхозяйственную нецелесообразность на спекулянтничество.

3. Избрать врид. прячкой тов. Михайло Ивановича Бондаренко».

«Безхозяйственной нецелесообразности на спекулянтничество: этим самым протоколом был нанесен смертельный удар, но дела все же не поправлялись».

Вот тогда-то и воспользовался протоколом хитрый комзвод Ковтунец, выбранный еще в поезде заводом-казначеем. Он выступил на очередном заседании пятёрки со внеочередным заявлением, требуя чтобы Чайчук записал его речь со «стинографной точностью». Он спросил: известно ли будущим членам черномарейской сельско-хозяйственной коммуны «У зброй», что в кассе осталось всего лишь 43 р. 96 к. основного капитала? Знают ли товарищи, что каждый день жизни на Ачинском переселенческом пункте обходится группе в 95 копеек, а в кассе никакого прихода до осени будущего года не предвидится?

Хитрый комзвод Ковтунец ловко переключил свою речь с кассы на болото. Он сказал, что близится зима, так как сегодня утром края болота, что у реки Чулына и куда ходит стирать белье врид. прячка тов. Бондаренко, подернулись льдом. Да, да, лёдом!

Еще несколько дней ударной, сверхударной работы, еще несколько бессонных ночей, и первая дымка в десятых числах октября, приносящая дозу руды и кокса, изрынула черной металла. А за ней, через две декады, запылала Комсомольская № 2.

В тишине многолюдного зала академик Иоффе делал доклад. Он говорил о будущем страны, об огнях невиданных электростанций, о единой высоковольтной сети, которая будет идти через Ленинград в Москву, охватывая Донбасс, Волгу и Урал. Эта сеть, — говорил академик Иоффе, — пройдет в Баку и даст мощную ветвь на юг, в Таджикистан. Она повернет на Енисей, пройдет к Владивостоку, зажжет огни Ангары и накрошио светит отдаленнейшие места с центрами нашего Союза. 1 октября засияет огнями первое звено этой величественной цепи. Магнитогорская ГРЭС вступила в строй, и на крыше ее вспыхнул значок КИМ. Работая на строй МГРЭС,

шеф электрификации на практике выполнял свое обязательство.

Представитель немецкой фирмы, монтирующей топку котлов, заявил категорически: — Меньше, чем в 60 дней, окончить работу наша фирма не может. Этот срок установлен долговременным опытом и в меньшее количество дней можно построить разве только топку голландской печи.

Комсомольцы Магнитостроя такие темпы не устранили. — Господа Гартман, — сказали они немцу, — мы решили окончить работу в 30 дней. — 60 дней, 60, я сказал, а не 30. Если вам надо быстрее, работайте сами. И господин Гартман, забрав чертежи, ушел со стройки.

Ребята принялись за работу. Прежде всего, бригады Банных начал налаживать дисциплину. На подмогу пришел секретарь комсомольской ячейки Шпринский. Он дал надежных ребят. Прогреты были изжи-

ты, исчезли со сцены рабочие, привывшие на стройку за двадцать рублей. Работали по 14 часов в сутки. Недосыпали. Во время работы не ходили курить. И долговременный спит- немецкой фирмы сдал перед героической работой комсомольцев.

Гартман говорил с 60 дней. Ребята сказали: «Эй, Окончили монтаж топку в 24 дня. Немцы пришли и сказали:

— Гут. Дайте мне десять суток на осмотр котлов, прежде чем начать испытание. Ему предложили 2 часа. Разгневанный Гартман снова ушел с площадки. Тогда начали испытание без него. В котле поднялась вода. Давление начало расти. 10 атмосфер. 20 атмосфер. Когда манометр показал 43 атмосферы, явился наконец Гартман. Он молча осмотрел котел. Из 1600 труб ни одна не далаа течи.

Он задумался, посмотрел на Банных и сказал: «Прощу прощения, но вы советским темпом побили мировой рекорд».

Хозяйственный комзвод Беснуев сказал, что это преступление в таком положении равнодушно смотреть на уток. Да, да, преступление, потому, что утка страстно обожает такую погоду с легкими утренним заморозком, садится близко от берега и никакой собаки не надо—он, Ковтунец, за это ругается. А что утка—это лишь много лучше той, которой за пятаки спекулянтничает переселенческой пункт,—об этом товарищи не хуже его знают. Да об чем говорить,—видели ж Соенко и Заноза своими глазами в поезде, зайдя в вагон-ресторан за спичками, какие сумасшедшие деньги платят люди за порцию жареной дикой утки!

Риск конечно большой,—он не отрицает, —за ружье надо выложить почти весь капитал—42 рубля, но ведь основное звено расхода коммуны на данном этапе—еда, а Ленин учил, что везде надо искать основное звено!

А вот на Украине он, Ковтунец, убил даже дукада,—в нем было 18 фунтов чистого веса! А здесь Сибирь,—про Сибирь везде известно, какая тут охота,—кто его знает, сколько еще времени придется млопотать в этом округе, что б его разоралол!

Значок, полученный в полку комзводом «за отличную стрельбу», решил дело и на утро выделенная комиссия купила в магазине местного охотничьего общества берданку с патронами, дробь и порох. С этого дня Ковтунец, вставая в 2 часа ночи, уходил через мост на переезд к Чулым, Заноза с остальными толкался по учреждениям, стараясь пробить бюрократические препоны.

Но проклятые утки, пока не было берданы, лезли, что называлась на рожон, а теперь же не подпускали на выстрел, как бы задавшись целью подорвать финансовую мощь коммуны, а волокита, в сетях которой беспомощно бился янтерка, грозила душить коммуни в ее зародыше.

Грицко Заноза, стеснявшийся до этого беспокоить окружное партийное руководство, пошел на это крайнее средство.

— Давайте серьезно побалакаем,—так начал в кабинете секретари ОК руководитель группы.

После решительного телефонного звонка в земотделе их вежливо попросили одну минутку подождать, а банк, неожиданно прибравший поразительную гибкость, на третий день открыл кредит. 37 тысяч рублей!

Это была умопомрачительная сумма, рисовавшая воображению воспитанных на спартанской бережливости красноармейцев, грандиозные, веянокленные перспективы.

В день, когда эти деньги были переданы на их текущий счет, пять сынов трудового народа Украинской советской социалистической республике присягнули, что ни один рубль, ни одна копейка из этих сумм не будет истраткована не по прямому назначению. А прямое назначение—это плуги, сеялки, триеры, это добротный рабочий скот и телеги, одним словом—капиталооблагодение.

Они твердо установились, что когда речь зайдет о муке или пшенном хлебе, о мясе, валяеках или теплом полушубке, тридцати семи тысяч рублей не существует в природе,—об этом надо зарубить на носу. Они еще посмотрят, какая такая сибирская зима, и что она за цаца, если ее надо обязательно встречать в платно скатанных шерстяных пимах и чуть ли не в медвежьей дохе!

Они еще померятся силами с бурянами и трескучими морозами в сапогах и шинелях, выданных из цехгазодов старого, третьего полка Украинской N-ской дивизии!

«Легуна» шутили со всех сторон. Пробовали и на шаг и рис и даже заглядывая почему-то под шоры на удаление всему базару. Около переселенческого пункта пасли своего единственного коня, доверив ночную охрану комзводу Ковтунцу, несшему из полка значок за отличную стрельбу.

Купив еще четыре лошади и телеги, поехали они вдоль берегов сибирской реки Чулым, напевая родные украинские песенки с такими волнующими мягко выговаривающимися словами.

Агроном знал участок теоретически и до вечера никак не мог найти средй целины и лежалых земель, там и здесь проросших цепким подтаявшим кустарником. Шел дождь. Дул противительный октябрьский ветер. Ночевали тут же под кустом боярышника, забко кутались в шинелишки.

После утомительных поисков, на следующий день в обед наткнулись на веху Агроном, горюливо признав ее той самой, уехад скорее в город подальше от восплаения легких.

На жилье расположились в заброшенной землянке на берегу реки. Утром впрягли лошадей в два саквовских одноделешных плуга, плонули для почива в ладони и выехали на зыбь поднимать лекалую землю, возорить ее пластами на бок,—пусть напиптятся обильными сибирскими снегами до весны, ожидая своего зачегия.

Зима надвигалась быстро, ревели ветры над Чулымом, рекою бывшего казачьего войска енисейского.

Худые, почернели от холодных ветров, задолго до рассвета они упорно впрягали лошадей в свои два плуга, стараясь вырвать у близких снега и морозов лишний час; по ночам, сменяя друг друга, сторожили пахущих коней, перебирая янтарные четки мыслей и надежда на будущее.

В поля писали, что отведено 3000 га, получены деньги, уже поднимают збё—можно послать демобилизованных ребят!

...Когда приехали из Украины еще 22 человека, пришлось пойти на это крайнее средство, хотя и было стыдно. Было очень тяжело и стыдно.

Пусть не думает управляющий Госбанком, что есть у них хоть какие-нибудь неиспользованные возможности,—каждую третью пару белья признали излишней роскошью—продали,—тов. Бондаренко Михаил Иванович нажимает что есть сил на стирку. О масле никто не мечтает, лесок из Чулыма прекрасно заменяет мыло, но лесок никак не может заменить муки, но от борюр и мерзлых диких ягд порядочно болят животы, хоть они и туго стянуты красноармейским ремешком!

Пусть не думает товарищ управляющий Госбанком, что будь иначе, к нему обратились бы с такой просьбой. Но вот они, червоноармейцы, стканивая себе во многом, год назад дали в долг стране 92 рубля, дали эти деньги на индустрию, на Сталинградский тракторный, на рудку горы Магнитной. А сейчас—зарез, выходы нетъ—we содержимое заводского перебрано и пересмотрено—позавчера выпал снег, но подтаял,—надо спешить, каждый подхватил гектар зайи весной отплатит сторицей,—но нельзя же пахать неешни который день, товарищ управляющий Госбанком!

Управляющий, улыбувшись, прогнуд портсигар с папиросами: — Курнет!—сказал он дрогнувшим голосом.

...Шел ноябрь. 1929 г. Двое плавали на пороге землянки, приговаривая, что довольно подало было с ихней стороны—это со стороны Занохи, Бондаренко и Ковтуны—писать тебе письма в Харьков, мороча голову всему полку. А еще партийные! Вот приехали они, 22 человека, живут в этой собачьей яме,—в ней не уместится и десять душ—по живым животам шатают приходить! Жить ничего немае, ночью выпал метровой снег, градусов 12 на дворе мороза—да разве б на Украине в это время!..

Остальные угрюмо молчали, уткнувшись в колечки воротники своих шапок на рыбьем меху; лошади, вяло шевелили зандевшими губами, бродили по подтаяннику.

Заноха был в городе. Он уехал туда за час до рассвета, тихонько пошептавшись о чем-то с Бондаренко. Живой или мертвый, он обещаю завтра вернуться с результатом,—только б не допустить того, чтобы отлучаться от холупы до его возвращения. Не дай бог уйдет один,—тогда все пропало, трещина пополез, расширяясь по всему заданию, и оно рухнет, похоронив под своими обломками зачатки коммуны.

Бондаренко паясничал, как рыжий в цирке. С комическим ужасом всдавая руки к небу, он просил у господ бога дать распоряжение небесному каптенармуеу, гражданину Николаю-угодику выдать плащущим по порции украинских галушек. Вышел из снега грузиную бабку, он водрузил ее у самого входа в землянку, заявив, что ще сибирский кураулу—кула, который приглашает каждого желающего взять его под руку и прокатиться на вокзал, где он берет билет—достать билет вне всякой очереди в телачьем вагоне до Харькова без пересадки.

Двое плававших у порога смеялись, как маленькие дети.

Грицко вернулся только к вечеру следующего дня. Он объявил чрезвычайное собрание членов червоноармейской коммуны открытым и произнес сгатуую короткую речь.

Он обладал удивительной способностью найти нужное слово, забраться в самую глубиную душу, затронуть самые сокровенные человеческие чувства, самые дорогие переживания этих простых парней—детей украинской бедноты и батрачества.

Если бы он сказал, что это нужно, они пошли бы за ним на Чулым

умирать в холодных волнах этой реки, глубокой и быстрой, что впадает в могучий Днепр.

Он объявил, что коммуна снимается с места, отправляется на северо-восток через тайгу, к Красной речке до особого распоряжения. Писал протокол непренесимый секретарь Чапчук. Слоны на бумаге, для смачивания карандаша, не было. Слона мерала.

— То же полпред!—насмешливо бросили вслед Крахмальному зажиточные безлоярские мужики.

Село Белый Яр до революции было известно далеко в округе. Здесь в деревенных избах с геральдой в резных окнах жили богатые-казачьи войска енисейского, раздобывшие на царевых льготах и жирной червонозе. С приходом Колчака село одним из первых в Ачинском и Минусинском округе встало против советской власти, избрав атамана. Маленькую сельскую коммючку выстроили тогда фронтом к тайге и расстреляли в упор из ружей, заряженных самодельной медвежьей свинчатой.

Свою худую славу село сберегло и до нынешних дней. А в зиму под тридцатый год, когда ушла червоноармейская коммуна по направлению на северо-восток, кулаки преспокойно жили в широкях, пахущих смолою, избах. Их покой охранял председатель Кулепов. Это он сказал Занохе, когда тот явился к соседям познакомиться и представить в сельсовет вверительные грамоты на отведенные коммуна земли:

— Я што, я—с нашим удовольствием. А вот выходы поговаривают, мол, присвоили нашу землю комуна.

— Земля пустует. Надо что б она на себе человечество держала,— строго сказал руководитель коммуны.

Тогда же Заноха договорился и с Крахмальным. Для того, чтобы, по его выражению, «коммуна заимела корень», они решили оставить полпреда, поселив его на краю Белого Яра. Крахмальному было поручено зямо стюльничать, готовя к весне кое-какой инвентарь. Чтобы полпред не умер с голоду—для него купили корову, и, оставив привезенную из полка гармошку, дали директиву через нее завести с местным крестьянством тесные связи, пропагандируя идеи коллективизации.

— Убег вы коновод? Увел свою шатино?—поднимали кулачки в жарко натопленном сельсовете, куда, выдумывая несуществующие дела, бегад греться полпред.

— Разн можно хохлат по нашим морозам,—посмеивались они добродушно в борозу.

Это добродушие имело свои основания. Они не боялись коммуны, считая эту затею дурацкой,—где это видно, чтобы 25-30 парней, у которых нет за душой и пары теплых портков, на зиму глядя, сумели продержаться в этих суровых местах. Ни кола, ни двора, ни хлеба, ни фуража,—куда там!

Но это было не безобразие, это было отступление по всем правилам стратегии. Таалантливый организатор, украинский батрак-червоноармеец Грицко увел свою коммуну за 45 верст в Крапсочере в боготольский завод № 13. Здесь коммунары ввязались за перевозку зерна со станции Крытхов.

Наступили суровые морозы. Два раза в день, по шесть километров в один рейс туда и столько же обратно, они бежали-рыбью, обгоняя своих собственных лошадей для того, чтобы как-нибудь согреться, спастись от этого проклятого холода. Возники из местных крестьян с удалением гдадели на этих шальных малоходких людей, которые ввязались за извонный промысел в Сибирь, не имея ни теплой одежи, ни обуви. Ночью коммунары, сбившись в кучу, согривали друг друга теплом своих тел.

Это было тяжелое испытание. Молодушние не выдерживали, нег-нет да поднимая ропот, что так больше не может продолжаться, что надо взять из банка деньги, купить полушубки и валенки,—пропадают ведь руки и ноги, продают живные люди!

Но стояло только пригнуться к этой злой белой туче,—к деньгам, что лежат в банке,—вставали как один Заноха, Бондаренко, Ковтуны, Мироненко и несколько других, и, закипя пламенем негодования, объявляли товарищам, землякам, что это величайшее преступление перед

пролетарская литература Д О Л Ж Н А помочь партии и комсомолу
вооружить массы силой примера, показать ей образцы поведения,
задачу коммунистического воспитания подрастающего поколения
это в значительной мере облегчило бы нам

(из речи т. Косарева на пленуме ЦК ЛКСМУ)

страной равносильно военной измене, и пока они живы—этого не будет.

Лиды, шавшись в комок из мускулов, бежали рысью двенадцать километров туда, двенадцать обратно. Термометр показывал: — 45!

Гришко, представительства от имени коммуны, на всех заседаниях обществу завода, в нужную минуту поднимал своих полузамёрзших людей на заделку производственных прорывов. Он систематически ездил в город для того, чтобы уже теперь подкупать, подобрать инвентарь и машины для будущей весенней посевной. К полпреду в Белый Яр прибывали: то сеялка, то триер, то плуги, до двенадцатилетнейсева броня «инг-заг».

Это не прошло незамеченным для кулаков,—они уже не отпустили по адресу полпреда добродушно незлобивых острот. Исподобья наблюдая, как привозят на край села, складывая под навес машины, они почувствовали, что эти чужие, приехавшие издалека классово враждебные люди, твердо намерены вернуться в их жизнь.

Тогда-то к полпреду пришли гости. Иван Потяница, сын живущего через улицу кулака Леонтия Ивановича, со своим другом Федосеевым зашли к Крахмальному с берданкой, попросив его, как бывшего военного показать, как разбирается ружье.

Сидели долго, пока не потухли огни в селе. За окном ревели выюга. Потяница, незаметно тронув локтем товарища, бросил как бы невзначай:

— Чего-то фитиль коптит...

Крахмальный потянулся к подвешенной на гвоздике самодельной копилке, повернувшись спиной к гостям. Гринула выстрел. Лампа погасла.

Кровь густыми струйками заливала глаза, стекая в рот...

Прошло не меньше двух часов, прежде чем Крахмальный прополз лет десять шагов, которые отделили его жилище от избы бедняка—деда Леонтия. Качая окровавленной головой, как недорезанный гусак, собрав последние остатки сил, Крахмальный поднялся на колени и заскреп ногтями в окно.

— Записывай, записывай фамилии, —шептал дрожащим, прерывающимся голосом дед Леонтий Кайков своей невестке Тане, жене сына красноармейца.

Выхрипавшая жлоковатую в горле кровь, полпред коммуны назвал имена...

Выюга бушевала уже не первую ночь. Стояли небывалые морозы. Река, снабжавшая водой боготольский завод, промерзла на два ме-

тра. Промерзла как раз тогда, когда завод выполнял задание по повышенной выработке высококачественного технического спирта для самолетов и научных приборов. Крестьяне, подождав воду, потребовали полный расчет. Коренные сибиряки, они не могли выдерживать температуры 60-65 градусов ниже нуля, предпочитая переждать дым, пока угонится азбесившаяся природа.

Объявленная риком и окрислоском трудовая мобилизация не давала эффекта. На экстренном совещании треугольника Гришко сказал, что коммунары, конечно, раздеты—шнели и сапоги—вот и все, в чем переносит сибирскую зиму красноармейская коммуна. Но большие червоноармейцы N-ской Украинской не могут оставить конечно самолеты без спирта. Они попробуют...

Выстрел в Белом Яру, разоживший череп полпреду, спелся на помощь морозам в Красноречье: на деньги в банке была сделана вылазка.

На этот раз малодушные выступали организованно, сплотившись в группу вокруг Селенова. Этот маленький вожь оппозиции усвоил хитрую тактику. Он говорил, что капиталолюбования действительно нельзя расхотать на текущие нужды. Но взять оттуда, из этих сум в банке, у себя же самого, а долг-то ведь можно? Ведь они же зарабатывают здесь на заводе,—отдадут, положат деньги обратно в кассу. Чем не выход? Даже, если на то пошло, это выгодная комбинация, так как, будучи тепло одета, коммуна выработает больше, чем теперь!

Горсточка, сплоченных вокруг Занохи коммунар-партийцев, оцетанилась. В страстной речи Гришко заявил, что «селеновщины коммуна в своих рядах не потеряет, с селеновщиной коммуна не будет церемониться».

— Гнать их из партии—чего там,—неверышки!—крикнул кто-то из-за сизого облака махорочного дыма.

Селенов от имени группы в 9 человек ответил, что ничего не поделаешь, значит, придется податься через Урал домой, на Украину. Чайчук не писал протокола. Чайчук примкнул к оппозиции. Протокол был бывший яри, пряхка, стойкий Михайло Иванович Бондаренко. Вел, как мог:

«Слаухали: тов. Гришко Заноху расчет воды для завода, насчет денег в банке, а также о том, как и кого считать председателем в теперешнем виде коммуны».

Постановили: Деньги в банке оставить в покое. Считать председателем того, кто смотрит через Урал».

Деять человек, взирая на плечи судучки, пошли по направлению к станции Кыртово. Оставившие 20, плача от бессилья, рубили лес, помня прокладную погоду в господа-бога-мать, ведрами черпали в ежешиную промерзающую прорубь воду. Кровь застыла в жилах. Отморозившая голова и руки, ноги, конвейером, день и ночь, целый месяц, для советских самолетов с самого дня реки доставала воду шальная красноармейская коммуна. Легендарная слава о ней, пробиваясь сквозь бураны, поползла по сибирской тайге вдоль Чулым к Енисею.

Навстречу этой славе из далекого Харькова колыбелью почтой пробиралась вскрытая тысячами подлесей бумажка:

«Заслухавши повидомеяна про бандитский пострел та поранения червоноармейца-коммунара сельскогосподарской коммуны «У зброй» группую куркули, мы, червоноармейцы та начальнический склад 3-го полку N Украинской дивизии, шо будували та выпестили коммуны, заявляемо, шо пострел в червоноармейца е пострел классового врага, направлений на партию та рададуу».

Цим постромком куркули хочут зирвати нашу величезну работу по перебудови Краиши, бо в ний вони бачуть свою загибель»...

Седоборядый сельский почтарь без эти бумажку в кожано почтовом мешке в санях-розвальнях на Красноречку, позванная бубенцами. Шел снег густыми и мягкими хлопьями, заметая свежий заячий след.

(Окончание следует.)

пролетарская литература **должна** помочь партии и комсомолу

дать молодому поколению направление в жизни.

эта задача весьма ответственна

(из речи Т. Москарева на пленуме ЦК ЛКСМ)

За знамя

чумичев дн.

фото Я. Ветрова

Кировская шахма № 3

Приезав в Прокопьевский рудник, вдвоем с товарищем, мы решили обладать как можно больше шахт.

Их в Прокопьевске больше десятка и мы взяли только наиболее интересные.

Сегодня на очереди Угловская штольня. Обследовать ее решили начать с «Комсомольской лавы». Однако, мы опоздали к выходу смены на работу, и лаву придется исзать самим.

В мойде мы одеваемся в специальную одежду: парусиновые штаны, куртки и шапки. В руках у нас карбидовые лампочки.

Штольня, как громадный тоннель, освещенная редкими электрическими лампочками, уходит в глубь горы. Два узкоколейных пути прелатавались штольней и где-то далеко-далеко казались сходились в одну тонкую, как лезвие ножа, полоску.

Шаги педологи. Мы не ожидали, что так скоро найдем «Комсомольскую лаву».

— Ну, готово что ли? Становись на месте! Я узнаю в этом молодом крике Сени Черных. Это маленький, смелый, рассудительный человек. Он комсомолец, лучший ударник, секретарь пластовой ячейки угловой штольни и, что самое главное, — бригадир «Комсомольской лавы».

— Ну? — И в голосе слышится нетерпение.

Я спускаюсь ниже, чтобы лучше видеть работу, чтобы разгадать движения и через движения понять степень интенсивности труда.

...С моей позиции хорошо видно, как Сени Черных ловко подхватывает стойбиный молот и, направив лезвие в глубокий уступ угля, надавливает рукой по ручке. Молоток вздрагивает, бросает короткое раздраженное «фр», точно вспарывая ребрич, и начинает залихватисто таратенск, как мчасься по воде аэроплан. Маленький лезвие возмущается в слоистый уголь и медленно уходит в глубь пласта, как шпирц зубного врача в десну больного. Небольшие куски угля, солнце, крошащиеся как каравай, отваливаются и с грохотом скатываются по лаве вниз. Сени поставила у ног тяжелый молоток и стала направлять «задурившую» карбидовую лампочку.

Мы долго ждали, пока наконец шахтеры, не покидая своих мест, разрешили себе небольшую передышку.

— Закурй, ребята, — с удовлетворением сказал Сени. — Вот бы всегда так, мы бы, порт возили, показали, как работать надо. Угло-то бросил сверху с юношеским задором:

— Братшник, а мы сегодня утрем нос «Мурaveйнику»...

— А всегда-то мы не утриме? — с гордостью спросил другой.

— Гляди, брат, в оба, а то и не утреш! — исключительно по должности своей предсудительного риния предупредил Сени, хотя ему не менее товарищелю хотелось похвастать родной Угловою. — «Мурaveйник», брат, тоже паровозит, однако.

— Паровозит — не аэропланит, — возразила товарищ сверху. Но задор в голосе его спал. Видно, и он над чем-то серьезно призадумался.

— Как еще поспенный пройдет, — почему-то продолжал раскладывать настроение ребат Сени. — Читали в «Забойке» вчера? — Угловая трусит однако...

Весь этот разговор: и гордость, ребат за свои успехи и их раздумье над поспенным — все это будет поанто и живо, если обратиться к рудниковской газете «Забой».

Угловая штольня из всех прокопьевских шахт давно славится своими победами на угольном фронте. Изю дни в день переполняет она свое задание, и победные цифры Угловки звучат для отстающих шахт укором.

Факт победы сам по себе должен являться податгивающим моментом, но Угловка богата опытом и знает, что без организационного оформления соревнование фактивно.

Она ищет достойного соперника и скоро находит: шахта «Мурaveйник» на 20-е июля выполнила 124% задания, на 22-е 108,6%, на 26-е — 100,8%.

Кстати развернулся производственный марш. Всюду только и разговоров о том, как бы позффектнее провести боевой месячник. «Забой» изю дни в день на видном месте помещает сводки добычи угля отдельными шахтами.

Третьими руками развертывает Сени Черных «Забойку» 26-го июля и лихорадочными глазами вписывает в сводку.

— Не сдает темпов штольня «Мурaveйника», — читает Сени в газете. — 100,8% — вот суточная добыча горняков «Мурaveйника».

Второе место заняла Угловая штольня.

Лидию Сени покрывается краской. Ведь они, угольники, вызвали «Мурaveйника» на соревнование и вступ на втором месте. И дальше: «Если Угловая закрепит добычу так же, как «Мурaveйник», штольня будет кандидатом на красное знамя перской дивизии».

— Братшник, ведь мы одна из решающих единиц нашей Угловки! — кричит Сени ребатам в лаве и с яростью отваливает крошащиеся куски угля, солнце, как каравай.

И уже почти не отдыхают комсомольцы.

Темная лавя, темная, как могила, залита неумолчким таратенсьем, точно сотни аэропланов сошлись в безумной схватке над черным сводом угля.

И через день победа:

«Сегодня Угловая заняла первое место в соревновании шахт, — сообщает «Забой», поместив это сообщение в отдельной рамке. — Угловая выдала 108,3% суточного задания».

А еще через день сводка вьлострирована. На первом месте опять Угловка. Она поместилась на аэроплане, за ней «Мурaveйник» — на паровозе, дальше Гозубевская на автомобиле. Центральная на вагонопетках и, наконец, шахта № 2 в образе разгульного мужика осела в канаве, здравев вверх ноги.

— Эге, аэропланит, не паровозит, — подтрунивают угольники над «Мурaveйником».

фото Я. Петрова

проходчик главного штрека шахты «Красный Октябрь»

— Гадки в оба, — не удержись, — опять предупреждает Сеня ребятам в своей лаге, и это предупреждение опять сказано по должности, а не по внутреннему желанию Сени. Но он словно каркает, этот маленький скептик Сени.

На другой день Угловый не выдала нагора даже ста процентов. Что за насмешка? Обидно даже! Люди готовы отказаться от законных предельных в работе, а в результате даже ста процентов нагора не выдают. Что это за глупейшие причины скрываются в темных, как могилы, забоях, лавах, штреках, которые стараются смотать проделер у взвешенного самолета?

Причин много. Вот, например, посменный замер, о котором с некоторой тревогой говорил Сеня своим ребятам в лаге. Посменный замер, т. е. измерение выработанных кубометров угля отдельной сменой, даже каждому отдельным шахтером, необходимо при ликвидации уравниловки.

Посменный замер повышает производительность труда, увеличивает зарплату отдельных рабочих, выявляет лодырей и т. д. И вдобавок «Забой», беспристрастный «Забой», помещает заметку, где говорится, что на Угловую с посменным замером дело швах.

«Бригада 88 отказалась от посменного замера, мотивируя отказ тем, что с посменным замером работать невозможно». Все рабочие стараются вольно прийти в мер (чтобы была кубатура), оставляя другие работы, не подготавливая забой к следующей смене».

По той же причине отказалась от посменного забоя бригада № 86 Угловый штюльни.

Как раз в это время мы были свидетелями подобных неформальностей. Тихой, теплой ночью, когда в саду Прокопьевска играет музыка, и по светлым дорожкам, освещенным электрическим светом, между кудрявыми березками тихо прохаживаются парочки, когда темными горнами, раскинутыми в ночи, Прокопьевск напоминает очаровательный крымский курорт, мы сидим на одной из этих гор и беседуем с группой шахтеров Угловый штюльни.

Третья смена начинает свою работу в штюльне в 10 часов вечера, а сейчас 12 ночи. Эти 2 часа мы сидим у самого входа в забой с шахтерами бригады Пугачева, лучшего ударника-партизда.

— Вот уж потерпели два часа и третий пошел, — издольно говорит Пугачев, вынимая свои часы и направляя на них свет карбидки.

— Вы походите еще раз за запальничком, должен же он наконец притти? — подает совет мой товарищ.

— Все уже сделано, — отвечает Пугачев, — раньше запальнички притти не может, раз все время запалка продуциона. Нужно вызвать запальничка, найти завхоза, выдать динамит.

Согласившись, что придется ждать, мы возвратились к прерванной беседе.

Причина преступного нечегоделания такова. Десятник у предыдущей смены не провел посменного замера и почему-то не вызвал запальничка, в то время, когда запал был необходим и штюры были

приготовлены. Теперь бригада Пугачева не могла в забое пошевельнуть пальцем без запалки и без заметки.

— Мы не выработали и половины того, что должны сегодня выработать! — жадуется Пугачев.

— Вы читали в «Забое», что нашу штюльню уж и так за это дело прощельсят? — спросил один шахтер.

— А теперь надо кое-кого перештерить, — заметил его сосед и злым тоном подвел итог преступлений этих «кое-кого». — Нам должны заплатить по средней ставке, — раз уже мы не выработали и половины — два, Угловая попомает вниз от стощеренной выработки и не получит знамя — три.

— Мы это вот вопрос на производственном совещании заострим, мы им забудем в нос динамиту.

Эти угрозы оказались реальными. Через полторы недели после нашего с шахтерами разговора «Забой» извещал рабочих о победе Угловки.

«Угловая стала первой в области выполнения заданий, стала первым кандидатом на получение красного знамени».

... Оспова достижений, которые имеются на Угловую — посменный замер.

— Верно, посменный замер вначале уперся в «объективную» причину — нет кадра людей, хорошо умеющих проводить замер. Но, и т. д., рассказано о том, что шахтеры Угловки все-таки победили все объективные причины и встали на первое место.

— Ну, ребята, я пошел, некогда сейчас закуривать, — с вдохновением кричит Сеня своей лаге и, поправляя карбидку, секунду смотрит на узкую стружку пламени с чуть заметной черномоздой улыбкой.

Сеня опытный работник и знает, что при успехе на лавах почивать нельзя — потернешь, некрепишь темпы.

Сеня опытный работник и знает, что при желании можно добиться еще больших успехов и со своими лучшими товарищами от лица Угловки объявляет в газете:

«Мы боремся не только за районное знамя, но мы, угловки, объявляем бой за чешское знамя горняков. 13 августа мы выдали на-гора 300 тонн угля или 119% и вызываем рабочих «Нурвейкина» давать добычу не ниже 105% ежедневно, тогда это будет действительно производственный марш».

«Кто больше?»

Подписи: Пугачев, Черных, Борисов и др. ""
Знамя чешских горняков было преподнесено ввиду Прокопьевску за хорошую работу за перевыполнение плана. Теперь знамя лежит свернутым: Прокопьевск потерял темпы. Чтобы развернуть это знамя, нужно выложить план добычи угля и встретить промфинплан.

И вот, вынужден плаги: «В бой за чешское знамя, Угловая штюльня тем самым бросила вызов всему Прокопьевску: «Кто больше?»

Сидней Робертсон, негр-комсомолец из Теннесси, рассказывает здесь о действительных событиях, происходивших в середине июля этого года в штате Алабама в Америке. События эти были вызваны тем ужасным положением, в каком находились негры—иначе земельные арендаторы на юге Соединенных Штатов. Фактически они—в полной кабале у помещиков и являются скорей батраками, чем арендаторами. За каторжную свою работу они не получают ничего, кроме одной трети или одной пятой от урожая. И вот, когда наступил сезон на арендованной у помещика земле. Герой рассказа не выжили. Грей—один из организаторов союза мелких арендаторов был действительно убит при описываемом нападении фашистов.

рассказ комсомольца-негра Робертсона

800

мы линируем всех

негр-мелкий фермер-арендатор

Я—негр, Сидней Робертсон из штата Теннесси, сын Сема Робертсона, убившего плантатора Грэхема шесть лет тому назад. Грэхем отнял у нас все—землю, дом, урожай, и когда отец пришел просить у него отсрочки и ки долла, плантатор двинул ему в лицо. Когда отец стал настаивать, Грэхем, имевший репутацию «опасного человека», выхватил револьвер и выстрелил в отца и упор. Только случайно пуля не задела его. А следующим выстрелом был убит Грэхем—ибо отец сам был горяч и несдержан. За свою горькую судьбу ему пришлось заплатить жизнью—три дня гнали его собаками по болотам и на четвертый пристрелили, когда он пытался переплыть протекавшую по близости речку.

Мы с матерью в этот же день бежали из округа, бросив все на произвол судьбы. Мне тогда было четырнадцать лет. Тогда же мы селились по горшкам соседней Алабамы¹, кое-как существовая на те гроши, которые зарабатывала мать, стирая белье по квартирам. Шестнадцати лет я поступил на сталелитейный завод в Бирмингеме и пробыл там три с половиной года, пока кризис в сталелитейной промышленности не бросил меня вместе с тысячей таких же, как я, неквалифицированных рабочих, в объятия голода и нищеты.

Я рассказываю об этом, потому что на заводе я встретился с Сем Эдиссоном, моим земляком из Теннесси, с которым уже не расставался до последних дней. Он был старше меня года на полтора. Жестокая борьба за существование, жалкое положение мальчугана-негра на ферме у помещика Луэри, постоянные унижения, побои и ругани, которые он сносил от хозяина и его сыновей, наполнили его сердце ненавистью и злобой. Он бежал с фермы и поступил на завод. И здесь встретился с Якоби, партийным и комсомольским организатором, направившим его ненависть по новому руслу. Он понял, что дело не в цвете кожи, полях, что нет черных и белых, а есть хозяева и рабочие, богатые и бедняки. Сем Эдиссон стал читать и учиться. А когда я познакомился с ним, он мог уже кое-чему научить и меня.

Мы вместе с ним вылетели с завода. — Ну, Сид,—сказал Сем,—в городках искать работу не стоит—бесплодно. Попробуем счастья на фермах.

Месяцев пять мы бродили по полям, скитаясь в батраках не нуждались, их положение было не лучше нашего. Многие арендовали землю у крупных помещиков с давних пор, а зноши Авраама Линкольна, когда освобожденные чернокожие получили право стать арендаторами у своих же бывших хозяев. Ни у кого не было за душой ни гроша, алатырь было ничем, различившись урожаем. Когда нужно было купить себе штаны или жену платье, брали в долг у помещика. Шли года, рос непоплатенный долг, переходил от отца к сыну, от деда к внуку, а вместе с долгом не уменьшалась и бесправное положение раба, бесправного хозяйского батрака, отдающего помещику весь урожай только за проценты по долгу.

Когда мы являлись к кому-нибудь из них в подурзавленный дом с протекающей старой крышей, и видели рептилий в домотканых, помогавших, отцу и матери в поле или на огороде, мы уже не спрашивали о работе.

Я бы и сам сбросил отсюда,—принадлежал нам один из белых,—да детей некуда девать... Все до вора приходится отдавать хозяину, а потом вырывать у него же из хлеб, чтобы с голоду не подохнуть.

Крупные фермеры гнали нас вон. Один из них, владелец большой молочной фермы, даже сгинул на нас сторожевых собак.

—Вен стюда, бродяги! Я пристрелю вас, если замечу, что вы еще раз приблизитесь к дому.

Мы насладу ушли от злых, злобных кустов, и от дури кости. Сему тоже пришлось потратиться. Пришлось провляться три ферме у одного из наших новачков, Райфа Грей.

По вечерам мы читали ему и его жену зери². У него завладенные помещиком табуны лошадей по рукам. Газету они носил мальчик, сын старого Табу, жука се в Бирмингеме. Слушать газету и читать человек десять, пригласил Грей с зарплатой.

Они слушали молча, нахмурились, кто-нибудь восклицал.

—Правильно! Нам нужно бороться!

Сидней Эдиссон, поминаний годов работы гражданской войны, вздыхал.

—Мы тоже провабали бороться!

он,—соединялись в отряды, уходил.

Тогда на месте той той рощицы так как только проваля железную дорогу, что жили.

Мы перебивали словоохотливого Джона.

—Ну, а как же вы боролись?

—Как?—переспрашивал Джон, выслушав, селки и пушка из фермы барона.

Назвались наши отряды негра Гомино, подожгли мы помещика Луэри.

Кинель, зверь бая, а не человек. Луэри навелась его зарод. Мы напали в то же время. Он выскочил из озера в одиночку с ружьем в руках. Мы за ним выжили, припадая на одно колено.

—Не целюсь. Но метко стрелял, и тогда наших погубило. Но и вы не!

—А после?—спрашивали мы.

—А после—оттечка старик устроил, появились губернаторские войска. Утром тогда был Джексон Сэм, много человек.

Он поклялся уничтожить все негра. И сжигал алатырь. Фактически, должно быть, захватил.

Сколько одних детей переби—гра выкуривали из леса, как сурика. И концов выбили. Только пять, шесть ушло, и я вот среди них.

Иногда случалась его рассказ. Берем наши палки горючие леса, скелетные обугленных фермы, поля, испан шальши. На деревьях качались тушешенных, в канавках гнили убитые, скалды повсюду, на дороге, в городах.

—Странное было время,—вздыхал мери.

Грей.—А теперь легче? — хихикал ст.

Все молчали.

—Что же теперь вас не аскает, а дивит, как зайцев, не поджаривают как баранов? Попробуйте подковать ферму и вы увидите. Только надо думать?

Из Бирмингема примчались пулеметам и нашей геридае—ни бороться надо по-другому...

—Но как, как?—спрашивали все.

—Нам нужен союз, товарищи Грей,—профессиональный союз негра.

Союз, который заставит каждого терпеть перед хозяевами, которые адвокаты зашивают вас в суды и за вас штрафны, если вы попадете в тюрьму, борются бы с личниками, а идея о создании союза распространяется.

Идея о создании союза распространяется. К нам, поселившимся и промышленным поденной и на соседних ферм, началась.

Приходили сторожко, спрашивали, отдавались—не подслушано. И мы относились к нам недоверчива наша молодость, трудно было справиться двум безработным парням, старших едва минуло двадцать. И с Грей наша парламентская союзна.

он, Стюдсон, Том Гаррисон. Сидней гордячий и убежденный проводил необходимости организовываться с.

Соборился обычно таковым инициативы предосторожностей, чтобы не дошла до помещиков. Все кр.

¹ Штат, лежащий рядом с Теннесси.

² Газета американской компартии, издающаяся в штате Теннесси.

нимали, что будет, если они провозглашат о нашей организации.

— Надо окрепнуть сначала, охватить всю массу мелких арендаторов, а потом предъявлять требования,—говорил Грей.

Первое организационное собрание было в нашей церкви Петра и Павла, куда никто из белых не заглядывал. Случил в этот же вечер тридцатый вечер.

Грей был очень недоволен.

— К чему пугатьвать сюда попа?—морщился он,—что черныи, что белыи пои — все одно, что савныи, что борю. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Мы оба поддеыралии его.

— Но лучшее помещениа нам не найти за сто верст в округе!—возмущаиьам.—Собираться в церковь безопаснее всего. А Джим Дайнсон не выдаст.

Но Грей был прав. Джим Дайнсон, черныи пои и друг черныи людей, оказался низкопробным предателем. Его избали потом до полусмерти, но было уже поздно.

Он сирядился на хорох, когда мы открыли глаза. Собраться в церковь, должно быть, человек 200. Идея союза была принята с восторгом. Выступавшие заявляли, что союз может уже сейчас охватить около восьмисти тысяч арендаторов.

Под предлогом рукополагания мы требовали права собираться где угодно и когда угодно для обсуждения своих союзных дел; прокурора за счет помещиков во время работы кредита натурой от урожая до урожая; права иметь свой собственный, не облагаемый помещиками огород;

Ах, после этого трехчасового отлага.

Под предлогом минимальных, но поити сразу на что-нибудь большее было бы и неразумно и рискованно.

Многие вообще считали рискованной всю идею союза. Они качали головами и с сомнением говорили:

— Ничего не добьесьм... Никогда хозяева не допустят этого!

Время шло. Над нашими головами собирались тучи, на базарах, в баптистских церквях Бирмингэма, на вечерях у судьи, у шерифа, у именитых отцов города начали поговаривать о том, что «негры беспокойны».

Поп Дайнсон решил дело. Его сообщение о союзе и требования негров-арендаторов привело огромный впечатлениа. «Общество» бушевало:

— Их восемьсот человек? Ну так что же, мы линуем их, всех восемьсот.

Были один из душных июльских вечеров. В этот вечер мы решили собираться в лесу, километрах в тридцати от города. Нужно было обсудить положение.

Грей стоял на часах, пока входили делегаты. Они приходили окружым путем через лес, стараясь остаться незамеченными. На дорогах уже шныряли какие-то вооруженные молодчики.

Помню, было темно, но неуж бежали низкие тучи. Накрывали мейкий дождь—предвестник грозы.

Автомобили, полные вооруженными людьми появились на дороге внезапно. Мы не заметили их. Даже Грей, стоявший на опушке, увидал их, когда они уже подъезжали к лесу.

— Опасности!—крикнул он и выстрелил в воздух. Это было условным сигналом. Проклятия и ругань раздались с автомобилей. Люди выскакивали и бежали к лесу, стреляя на ходу. Пули жужжали по кустам, как оси.

— Спасайтесь, товарищи,—кричал Грей, отстреливаясь.

Одна из пуль задела его. Он упал. По лесу в темноте бежали наши. Вооруженные худыиы бежали по опушке, стреляя в темноту. Крики, ругань, ударский свист наполнили мрачную тишину леса.

И вдруг хлынул анень. Прямые струи нивергались, как водопады. Налепение было сооравно. Промокавшие, озлобленные неудачей наши враги возвращались к автомобилям. А мы, пользуясь темнотой, ушли, подобрав с собой раненого Грея.

Мы отвели его на ферму и уложили в постель.

На следующий день положение его ухудшилось. У парня вылезла бред. Мы сидели при нем неотлучно, я, Монгомери и сыновья фермеров—Стэнтон и Бой.

— Надо позвать доктора,—сказал я.

Монгомери ушел и через два часа вернулся с доктором. Звали его Эзра Пузалл. Он был активным членом местной организации Клан-а, но кто из нас мог знать об этом? Увидев больного, он усмехнулся.

— Так, так,—сказал он, потирая руки,—все в порядке,—как дому больного? Мы перелгннулись. Он нам сразу не понравился. Маленький, цуплый, с красными глазами.

— Будет ли он жив, доктор?—спросил я.

Он поглядел на меня и хмыкнул.

— Господь знает,—сказал он,—будет ли он жив, будете ли живы вы, буду ли жив я. Все в руках божьих.

Он прописал лекарство и ушел потирая руки.

— Поиди за ним, Бой,—сказал Монгомери.—Не притансы он мне что-то.

Бой проследил его вплоть до конторы шерифа. Очевидно, негодяй донес о местопребывании больного.

Рейбта решил защищать Грея до последних сил.

К вечеру собралось в лес к ферме Грея около шестидесяти вооруженных товарищей. Мы окружили дом полукольцом и заняли в кустах. В том, что нападениа состоится этой же ночью, никто не сомневался.

Часы в 11 вошла луна. Освещенная серебристым светом дорога напоминала ручей. Мы лежали на берегу, и дула наших винтовок смотрели вперед, к огороду.

Наконец на дороге послышалось воинственное хрипение грузовиков. Нападающие приближались. Это были местные торговцы, мясники, комиссионеры, «золотая молодежь» города, все любители сильных ощущений. Охота на негра—ведь самый интересный спорт в мире.

Их было, должно быть, человек сто. Линия автомобилей вытянулась по дороге бстиящей гусеницей. Впереди ехал шериф Кий Юнг

— К Юнгу-Клан—фемистская организация на юге саси.

с ружьем в руках. Мы узнали его по огромной мексиканской шляпе. Доло винтовки похлоскивало при свете луны, как штыки.

Шагах в пятидесяти от нас они оставили машины и двинулись пешком, все время осторожно оглядываясь по сторонам. Ждать дальше было бессмысленно.

— Назад,—закричала я и выстрелила в воздух.

Сни немедленно припали к земле и поползли в траву.

Началась перестрелка. Они стреляли, стараясь попасть в сторожу. Мы стреляли по ним, луна выдавала их—длинные тени ползали за ними по траве.

Они убиты его,—шепнула мне Монгомери. Я стиснул зубы и не ответил. Огонь бандитов становился все сильнее и сильнее. Они стреляли из автоматических ружей, тогда как у нас были старинские карабины двухствольки, которые мы зарыжали пулями и крупной дробию. Исход бы можно было предугадать заранее.

Длинные языки пламени вдруг лизнули крышу дома. Сухое дерево запылало, как фанса. Тогда дверь сторожки отворилась и на пороге появился бледный, шатающийся Грей.

— Не унывайте, ребята,—крикнул он, вглядываясь в темноту,—никакими пулями, никакими убиствами они не сделают нас рабами!

Три пули соскочили его в одну секунду. Он застыл и упал навзничь в траву. Вещные крики сторожора раздались на дороге.

Все было кончено.

— Надо уходить,—сказал я.—И медленно, все время отстреливаясь мы поехали назад в самую гущу леса. На глазах у нас были слезы.

Так погиб Ральф Грей—наш вождь и товарищ. Тело его, изуродованное до неузнаваемости, мы нашли потом на дороге в двух километрах от места боя. Они возложили его на землю, привязав к автомобилю.

Рабочие Бирмингэма устроили в его память траурную демонстрацию. Демонстрацию разогнала полиция, но ребята собрались снова. Борьба продолжается, борьба окончится нашей победой!

Комсомолец-негр на сталелитейном заводе (штат Алабама)

КОММУНА В

Александр Гринберг

миссьюссала батова манагун на кабрине им. Лепсе

«Коммуна в пути», как иначе определить состояние молодежной производственно-бытовой коммуны московского завода им. Лепсе.

В отличие от многих подобных, эта молодая и немногочисленная коммуна сумела за сравнительно небольшой срок крепко укрепиться и переболеть главными «болезнями роста».

Сейчас коммуна находится на верном и твердом пути.

Одно это обязывает редакцию регулярно следить за дальнейшим развитием коммуны.

Записки А. Гринберга кладут первое начало.

Вызываем санит коммунарков продолжить рассказ о своем опыте.

миссьюссала батова манагун коммуны «чел санитаторов комисса осматривает постель коммунарки»

1. Опровержение холода.

Трудности пришли осенью. Летом тепло и в недостаточном дожде. Но когда комсомольцы октябрьского дождя стали хлестать в черные провалы незастекленных окон, когда труба для отопления не было и перед коммуной стояла угроза замерзнуть в непогоде в доме всю зиму — вот тогда пришлось туго. Вечером, после работы, собирались обычно в детской. От дыхания сорока человек в неотапливаемой комнате делалось теплее. Тогда над головами вырастала худая фигура Шнекторов. Он, как дирижер, взмахивая руками:

— Три, четыре... И, не обращая внимания на синие носы и одеревеневшие ноги, ребята орали песни, стараясь прогнать оставшийся холод. Но холода не уходило.

Наоборот, капитализировать начали отдельные коммунарки. Покаданы коллектив обычно те ребята, которые пришли в коммуны не преобразовывать быт, а получить определенные материальные удобства.

Уходили те, в которых сильны были индивидуальные наклонности и связь с семьей, не вончавшей в коллектив.

Уходили те, которых изгоняла коммуна. Из последних особенно яркой и выдулой представляется фигура Кузнецовой. Эта девушка работала на заводе им. Лепсе несколько лет, приобрела квалификацию — токарю четвертого разряда, показала себя хорошей производственницей. Была принята в коммуны.

Очевидно, жизнь в коллективе быстро выявляет индивидуальные особенности каждого человека.

На заводе Кузнецова была примерной работницей. В коммуны она попала в подделке заборных книжек. При более внимательном ознакомлении с ее «личностью» ребята выяснили: она дочь медника, кулака, лишеница. Исключены были также муж и жена, рабфактовцы, которые считали себя в праве не нести в коммуны никаких обязанностей, оправдываясь отсутствием времени. Шлак отсевался.

Наконец в ноябре месяце были получены трубы. Прокладывали отопление собственными силами, сплыв коммунарков, сутулящихся под тяжестями рыхватых труб, двинулись по лестнице на верхний этаж. На чердаке спешно устанавливали бак. Шнекторов и Филипов лыжками и отдувались, стараясь установить батареи.

— Левый подъем край... Так... Еще... Стой, ногу оттащишь.

— Держи ее, Володька.

Эти ребята по существу главные организаторы коммуны: они вели переговоры с райкомом, добывали средства, составляли смету, хлопотали в ФУБР; они понимали, что существование коммуны зависит сейчас от прокладки отопления и, подбадривая ребят, бился теперь на этом фронте.

Дело было мало знакомое, но коммунарки действовали упорно и настойчиво, борясь за отопление коллектива в целом. Когда был закончен дом, стекла вставлены и отопление проведено, производственно-бытовая коммуна завода им. Лепсе представляла здоровый коллектив из сорока человек.

Правда, год тому назад, приступая к постройке дома, будущие коммунарки мыслили сто процентное обобществление заработка в коммуны. Но, по предложению райкома, заработок обобществлен на 50%. Остальная часть

калованы уходит на одежду, трамвай, папиросы. Тем не менее, коммуна левцевцев является одним из первых опытов переустройства быта.

Объём тысяч рублей, опущенные вУБРом на постройку Дома коммуны в Измайловском посаде, привратились в обширное двухэтажное здание, с двумя террасами и широкими глазницами окон. Помещение разбито на ряд небольших комнат, в которых по-одному, по-двое, иногда группами, живут коммунары.

День начинается в шесть часов утра. Зарядкой руководит обычно Каратуша. На голые у него торчит взъяданный берет с хвостиком, напоминающим свернувшийся колючим хвост маленького поросенка.

В зарядке участвуют ребята, работающие в утренней смене; лончая смена еще находится на заводе, вечерняя — спит.

После зарядки, когда тело наливается особой крепостью, и, кажется, будто кожа пахнет молодой, утренней свежестью, смена шагает на завод. Члены коммуны разбросаны по всему заводу, по различным цехам. Только лишь комсомольская ударная бригада обмоточного цеха, награжденная теперь орденом Ленина, на одну треть состоит из коммунаров.

Босые члены коммуны как лучшие ударники часто перебарываются со своей основной работой на прорывах; из механического в слесарный, из первой комсомольской на обмотку роторов...

Однажды Вася М., которому надоело переходить из цеха в цех, решил остаться у своего станка, несмотря на распоряжение переселить его в штамповочный.

Цеха обходил Прокуровский. Когда Вася увидел приближающуюся к нему крепко сбитую фигуру в белой рубашке, он постарался принять беззаботный вид человека, не знающего за собой вины. Тем не менее, Прокуровский остановился у его станка.

— Ты ведь сегодня должен был в штамповочном работать? Саушай, ты коммунар ведь, помню того, что комсомолец и ударник. Тебе не стыдно?

— Мне так стыдно стало,—рассказывает Вася,—куда деваться же знала.

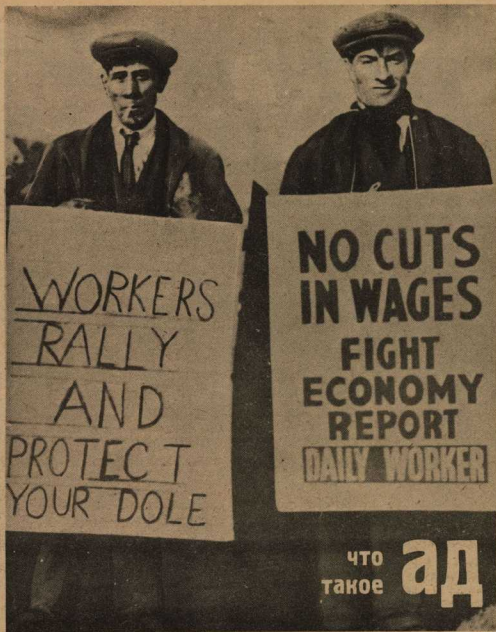
В первой комсомольской работает Дора Дитман. В коммуне Дора—неделя пять, с тех пор, как, высланная из пределов Германии, она вторично приехала в СССР.

Дитман—коммунистка. В мае месяце она с агитбригадой Межрайкома путешествовала по СССР.

«Гостеприимное» правительство Брюнинга усмотрело в бригаде «красную опасность», боясь была выслана Дора, вернувшись в Советский союз, впервые пошла на производство.

Днем самое оживленное место Дома-коммуны—детская, ясли. До шести часов там не шумит, клуб наполняется людьми. Тогда из чернико диска громкоговорителя вылетают голубиные комки слов; вступают в очередные дыры шахматы и шашки; из шкапов выдвигают тонкие фигуры журналов и книг.

(Продолжение следует)

перевод с английского и обработка абрамова

рассказ ирвина юджин

Он сел в Сен-Луи, сразу наполнил вагон скрином и грохотом свист тяжелого боинка. Он был три, беложур и тодуболаз. На вид ему было двадцать два, не больше.

Он сел против меня и, не интересуясь окружающим, вытащил из кармана газету. Когда он развернул ее, я увидел, что это была «Дэйли Уоркер». Сидевший рядом со мной британец толстая, саженистую сморкавшийся в большой белый платок с синими горошинами по краям, поморщился и поглядывал на меня. Такие толстяки артистически предлагают вам усовершенствованные булавки Пинкокса или генеральный стиральный экстракт. Не увидев на моем лице сочувствия, толстяк поспод, поглядывал на меня, крикнул и пересел в отделение напротив.

В вагоне было совсем пусто в этот ранний утренний час. В соседнем отделении сидели две старомодные старушки, о чем-то саженило болтавшие на ходу поезда и не стеснявшие рта на остановках. Публица была неинтересная.

Я с любопытством поэтому воззрился на парня. По-моему, он был скандинав. В чистой голубиной газе его, казалось, кричали северные фьорды. На верхней губе пробивался светлый и мягкий пушок, как у дувушка. Я забавлялся широкими плечами парня. Синий его пиджачок заткнулся на плечах, как барабан. Рукава холлы вверх, еле облагая невиданными толды мускулов. На ладони я заметил характерную мозоль, показывавшую, что парень имел дело с киркой или лопатой.

Поезд тяжело гремя пошел по мосту. Широкая низкая река лежала внизу. По реке медленно плыли пароходы, сизыми моторные лодки, по берегам тянулись каменные причалы пристани. Пирамиды мешков и бочек ожидали надушки.

— Вот смотрите, видите воп там вдали, по дороге реки...—вздур встрепенулся парень. Я увидя вдали нечто в роде огромного ящика, торчащего посреди сизой водной поверхности. На ящике по углам были какие-то домики, бudoвки. На одном из домиков развильялся белый флаг с красным крестом. Высочай лестница спускалась прямо в воду. Мы увидели, как к этой лестнице причалила моторная лодка и какие-то фигуры начали взбираться на верх.

— Вот вам прямая дорога в ад,—сказал торжествующе парень.

— Что вы хотите этим сказать?—ле поня я.

— Вы знаете, что такое эссон?—спросил он в ответ.

— Немного.

— Вот это и есть эссон,—сказал он, указывая на сооружение посреди реки.

Поезд прошел мост и бежал по равнине.

Река с эссоном, пароходами и чайками осталась позади. Парень издохнул.

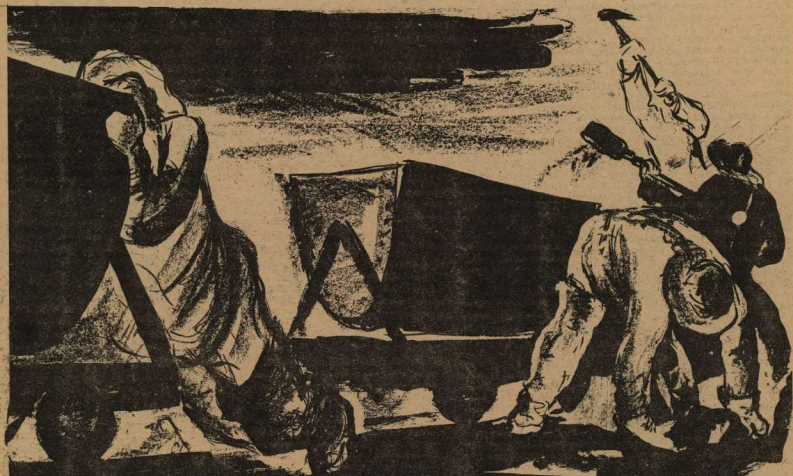
— Я недавно работал в эссоне. Глубоко под брухом реки. Вот это был ад,—тихо сказал он и задумался.

— Далеко отсюда?—мигнул я.

— Да. В верховьях Миссисипи. На постройке моста.

годовой похор в окланда, на снимке: голубой похор безработных

о товарище

Ф. ХВАТОВ
рабочий областного цеха электризовода

В шахте угольной у продалки,
Слушая палки на дне,
Он слышал мне—и очень болел
И до снамы не дотушу.
Сам ты выходишь в бокте агронных
Для победы нумыи трудаи,
Сам ты слышались, как наш донны
Проклет угля и руды.
Моть дна лядно, бундет от этон...
Толькь зная гль, не вынети
Толькь мала, что одним процентом

Мы до лавина не довали.
Ночью ушлили в провалови гровах
Донбасс подымаю угля сналу...
И товарища на упругих тресах
Быстро вылезли наверх на стапу.
Шахта дала в ляхоридии завойной
Он лавина, борись сам с собой—
Толькь грядущии беспредельной
Слушая грядущии гирьный бой,
Он лавина в чистоте больничцы,
Видля в она несевный ган,

По седям шобетали птныи,
Селиди спользало по рудинским,
И иногда предсмертьяи смелый
Он лавина, стиснув ирии во рту,
Т пришил и слыла, что шакты
Плви продаинуи за черту.
Он пристал, и ступа и губы,
Он прозвлял меня взглядами нолыми,
И улыбка претива долго
Мы сподина с завистливых губ,
А потом в ляхоридии—пожар

Прострипел, как суляя лавты,
„Ну, теперь, дорогой товарищ,
Удлет легче и умарьт“
Рыво утиси под горою
Самцы багале по глады рая,
Мы несли своего гароя
В подвальныйи нигильный шатри.
Мы жасодили новыи смывани
Во великий лесной троя,
Нам Донбасс шверды сорывани
Нам с трудностями и борьбе.

рис. п. цейтлина

брюхом реки. Сверху давили на нас тысячи тонн камня, воды и песка, угрожая раздвинуть наш деревянный гроб, как спиченую коробку. Мы не имели ни секунды отдыха. Издали глядя на нас можно было подумать, что это работают автоматы. Бадья не должна была опаздывать ни на секунду. Смерть, ужасная смерть угрожала нам, казалось, ежеминутно. Но стены кассона выдерживали. Кроме этого нам угрожала ревматизм, поражавший всех здешних рабочих без исключения. От слишком быстрого перехода от одного воздушного давления к другому возникали болезненные ощущения. Многие они причиняли сильные мучения. Пять лет такой работы, и человек выходил живым покинником, а то и прямым путем ехал на тот свет.

Получали мы 4 доллара в день. Но это было жалкой платой за тот риск, которому мы подвергались.

— Почему вы терпите все это,—спросил я как-то Джо,—разве у вас нет союза?

Он покачал головой.

— Нет,—сказал он.—Да и компания не потерпела бы членов союза у себя на работе.

Сильно одних разговоров пришлось бы слышать о технике безопасности. На что уж наши заводчики беспечны по этой части, а

здешние всех, по-моему, переубедили.

Действительно, смертельная опасность возрастала с каждым днем. Чем глубже уходила кассон в илестное дно реки—здесь должно было лечь основание для одного из бывов будущего моста—тем все верней становилась опасность образования воздушных карманов между наружными стенками кассона и давнншю на него речным грунтом. В таком случае нам грозил бы разрыв стенок кассона изнутри.

И наконец катастрофа разразилась. Помню, мы только что закончили бадью и она пошла вверх. Раздался вдруг подозрительный треск. Мы прислушались. Треск повторился. Это трещали стены кассона.

— Воздушный карман!—крикнул Джо. Сразу же, очевидно, образовался такой карман, и теперь тысячи тонн сжатого воздуха распирала нашу мозгу.

Треск повторился в третий раз, и одну из стенок прорвало. Фонтан воды, грязи и гнивя хлынул из отверстия. Страшный крик вырвался у нас из груди.

Началась паника. Все побросали лопаты и бросились к лестницам. Более ловкие помчались вперед.

— Двери, двери,—кричали мы. Первую дверь что-то заело. Люди внизу бес

навались и рвели. Кассон трещал. Вода и грязь были со всех сторон, угрожая затопить нас каждую минуту. Наконец дверь пошла. Мы выбрались в первую камеру мокрые, насквозь, дрожащие от страха. Внизу редела и хлопотала вода, разрывающая наш кассон.

Когда мы, ослепшие, охладшие, с болью в ушах выбрались наконец наверх, нас остановил Мак Ферзон.

— Где же ваш инструмент?—резко спросил он.

Мы переглянулись. В минуту страшной опасности ни один из нас, понятно, не думал о лопатах.

— Мы удержим их стоимость из вашего жалования,—важннгул Мак Ферзон.

Мы молчали. В тот же день мы были расчислены. Кассонные работы приостановились, и компания больше не нуждалась в нас. За лопаты деньги были удержаны.

Парень вдолзил, губы его сжались и глаза истемнели.

— Больше я не вернусю к ним,—сказал он.—Это был ад, в котором Питер Крн не был. И тот ад создали не река, а люди.

Он замолчал и отвернулся к окну. Поезд подъезжал к станции.

"Ме 23"

Стезя нас дельна,
Иорд-ост трки,
Но мы
бригадой своей большевистской
заставим дельна чини
Ируглая сутки по плану ловиться.

Целый месяц идет дождь. Дождь поливает разбухшие огороды и насыль промочиле брезентовые палатки. Зелень прирота, положил слой соли словно расчесан гребенкой. Море не утихает. Шторм один раз в три дня установился, как правило. Почти все суда на причале. Если на несколько минут погода разойдетс, каваски направляются к Андрею. Волны чмокают, забрызгивают палубу, перекатываются через борта.

— Погода не под иваси,—старчески покачивая головой говорит шкипер Пайла.

— Ниче на все неурожай, хльб заило, иваси прошла, а вот дождь не проходит,— растинуто бурмочет, направляя зюйдвестку под косяк уду ливна сиудо¹. Хитрая уямбка тает в его рыжеватой редельной бороде.

На бергу—ни души. Только недоделанные палубы на кунгасах, вытешенные на берег, да сети, растянутые для просушки на боченках и так забытые, говорят о подготовке к встрече иваси.

На воду не спущено ни одного кунгаса. В приходах и расходах райконтры где-то затерялось восемь моторов и всемо ивиной—дождь. Даже сонный долговязый Никиток, инструктор по засосу, не привоношшил своих сараях, оправдывается дождем.

Бурдюк, которого ребята зят острый язык провадил жалом. Он действительно жалил головолятов, регулярно помящая в стенах, бьющие заметки с едкими карикатурами.

Для всех рыбаков и береговых рабочих было ясно, как день, что если только иваси покоснется в море крупными косяками, то промысла не смогут ее ловить и принимать.

Рыбаки с нетерпением ждали, когда фоборическими просветами покосится неутомимо волнующиеся море. Около пристаней, к корговым рыбакам, свободные мотористы и ловцы. У всех один вопрос: — Ну, как?

— Нет... менты да акулы. Но завтра, как нить дать, пойдет... Самый спокойный человек на промысле был управляющий Глазунов. Но олимпийское спокойствие Глазунова другим не винушало спокойствия.

Глазунов уверял, что через несколько дней и из соседних холмов придет столько ливнов, что их десять некуда будет. Но прошло две недели и никто не приехал. На производственном совещании Глазунов заверял, что смода и юды уже в пути.

— На Зарубино ясно вырисовывались контуры большого промысла.

„Море—это карты“

Непостоянное, самовольное, деспотическое море надо поставить на службу наступающему социализму. Студия должна быть подчинена плану. Дальнейшом партии дад четкую и ясную директиву: перевернуть промысла и рыболовецкие коды на круглоусточный лив.

Старые рыбаки говорили:

— Море—это карты. Выходить на ловлю—метать ва-банк. Игра скачайна, но четкая: шулеров и мошенников бить не может... Чужаки и оппортунисты усидно разжигали эти выступления. Особенно они старались привлечь на свою сторону рыбачью молодежь.

Кречет, бывший владелец моторного ялика на Черном море, проповедовал специальные «беседы».

— Разве можно,—говорила си,—оставлять план на яловов? Все зависит от случая. Не захочет, ловиться иваси, ничего не поймаше.

Вон Пайла сорок лет рыбачик, а все равно приходит с пустым брюхом.

„Дадут ли нам наवासани?“

Грудо сказать, кто был инициатором создания первой комсомольской бригады круглоусточного лива. Как-то вечером, после изнурительной борьбы со штормом, когда с большим трудом удалось закрепить суда, при тусклом свете керосинки комсомольцы-штормовики выжидали наскоком промочиле спешков и развешивали на протянутой к углам веревке. Невостовой иорд-ост рзырвал со свистом воздух, сбивал брезентовую крышу столовой. Глухой морской гул и восклицания прибыв мешало говорить.

Бурдюк, сестовольский молодой ливец, выкручив вместе с Раимбеиским спешков. Остальные уже закончили свой стугает и сидели на нарах, раскуривая «козы пошки.

Разговор зашел о иваси.

— Если так будет дальше, то м.ч. даже для смеху, за всю пугину ни одного иваси не поймаше.

Вергуня перебил Штыган.

— Глазунов ни чорта не делает. О кунгасах никто не заботится. Саран не смогут принять и центера. А о круглоусточном вечег и говорить.

— И чего это выкает Кречет.

— Тихенький стал, прикидывается «своим», а на душе-то кошки скребут, вода жалм моторного ялика, агитирует—днем иваси не ловятс.

Бурдюк не вытерпел.

— У кого как,—быстро заговорил си,—а у нас она будет ловиться... Надо нам самим взяться за круглоусточный лив, организовать комсомольскую бригаду, взять каваски или «КЕ» и доказате, как большевики ловят иваси...

Бурдюк поплы в саму юточку. У Раимбеиского да и у других ребят появилось было затеанное желание порываться самостоятельно, только Вергуня, всегда во всем сомневающийся, недоверчиво отнесся к предложению Бурдюка.

— Дадут ли нам каваски? Парусника, и то пожалует...

— Не дадут, так сами возьмем,—решительно отпарировал Бурдюк,— где наша не пропадала... «Набят подержит и дело в шляпе, да и партиячка поможет.

Далеко за полночь затонулась беседа. Мнение единодушно: бригаду создать надо. Начать решили с того, что взять на биро партиячки под «обстрел» административного промысла в отношении ее скрытого соперничества круглоусточному ливу.

— А потом предложим,—говорит Бурдюк,—организовать первую ударную комсомольскую бригаду. Конечно сначала побираются, но постановление крайкома партии о круглоусточном ливе свое дело сделает...

— Только, чтобы не упустить время,—пока тары да расклары насчет «КЕ», а мы будем готовить сети, такелаж, так чтобы сразу вступала судно...

„Инициатива поддерниана“

Сказано—сделано. Гвардо договорились ребята «араться до последнего» за ударную бригаду. Состав ее про себя уже намечен. Обмозговали всех, вплоть до шкипера.

На биро партиячки выступил по плану. Управляющий промыслом, Глазунов, поминутно вытирал пот с лица. Ему здесь припомнили и спонсиные сети, и смозу, и юлы, и кунгасы, и многое другое, что не только срывало круглоусточный лив, но и ставило под удар вообще подготовку промысла к встрече иваси.

Комсомольцы наступали. Приводили все новые и новые факты безхозяйственности администрации. Секретарь партиячки, старик Иван Моисенч, удавлено глядел на выступающих бригадников.

Продолжение см. на стр. 18.

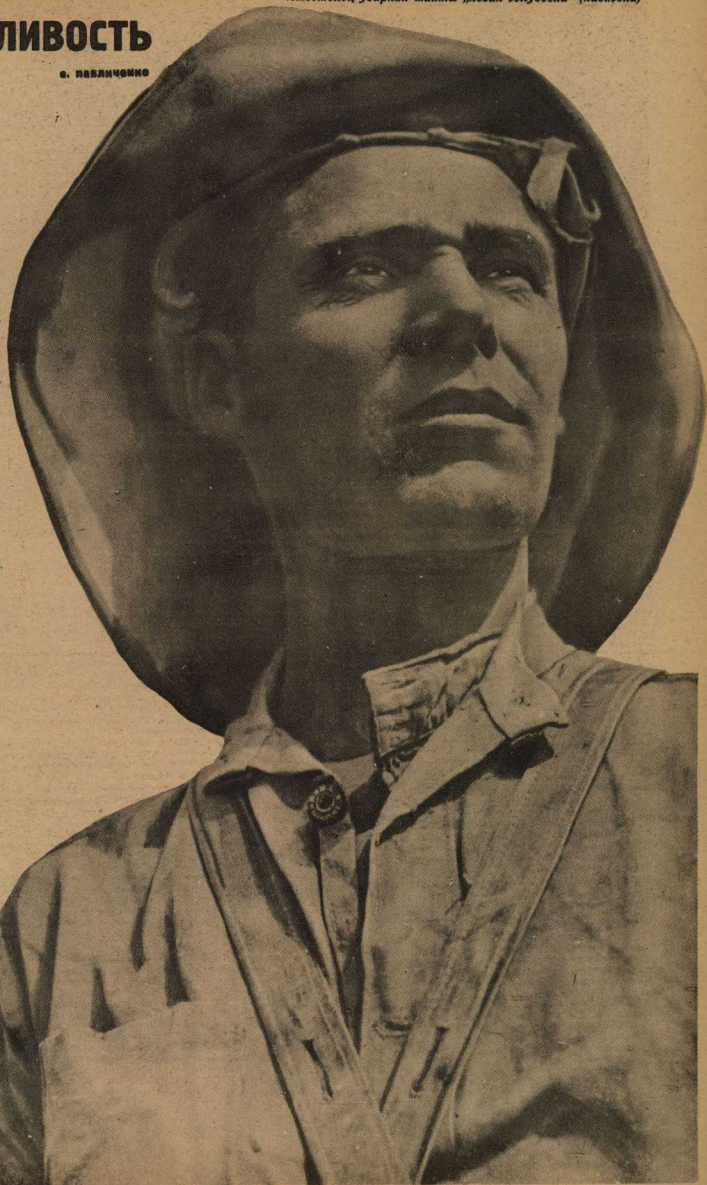
¹ Свздо—подрацк.

бережливость

с. павличенко

Слог моей песни
прост и груб.
Петь эту песню—
не нужно, не жалко:
Песю перем,
называемым вруб,
Печатаю
на угольных шпальтах.
Много у нас
рек и морей,
Много судов,
буанеров и топов,
Мерлам, лопатки,
котельки и ядра,
чтобы работали—
лопаты
и лопаты!
И вот заканчивается
песня,
Не альта,
Не слез,
Не нытья:
Из шахты—
угромной и тесной—
Полетит на поверхность бадей
и крзья,
И бесконечно—
в заводом,
и лютиням,
и порты—
и пространство аркается повед,
Везет дорожка лавсты,
И вот моя песня—
составом—
К причалам,
К «мартеням»
дошла:
Горит!
И уже по сустанам
Раздорнута!
Выброшен шлак!
Работа!
Работа!
по трюмам,
по быстрым узлам,
От песни до ядра,
до лота—
Одна остается зола,
Нам помнить и знать, ночегары,
У толки каденки о том:
Негная напряженке пард—
На угле, Братва, экономь!
Вандам ледяной тонне—
Из сборочной такт—
нашей победы— знамена —
двигатели и станины,
Побольше
угля и пара
Легким нашей страны,
Тогда
нивание удары
Для логных такж
не страшны!

фото п. петровас

Задача № 25.

А. Батрацкий (Воронеж)

Мат в 2 хода. 9-10

Задача № 27.

Н. Батрацкий (Минск)

Задача № 28.

А. Студенский (Чебоксары)

Мат в 2 хода 9-6

Один из важнейших участков шахматной работы, — это интернациональная связь с зарубежными прославленными шахматистами. Сильнейшими достижениями в этой области пришла к заканчивающемуся сезону VII Всесоюзному шахматно-шахматному съезду ленинградская организация. У ее установления крепкая связь с иностранцами шахматистами — прославленными, проводится гигантский матч по телеграфу и т. д. Приводимая ниже партия была сыграна на четвертой доске намывшего в 1928 г. матча по переписке на 10 досках между ленинградскими белыми и Берлином. Сейчас этот матч близок к окончанию. Берлинцы выиграли на шести досках (на 1, 2, 3, 7, 9 и 10), одна партия (на 4 доске) окончилась вничью. Из неокончившихся еще три партии берлинцы имеют в одной партии очевидное преимущество. Таким образом, победа в этом матче обеспечивает нашим зарубежным товарищам.

Партия № 4.

"Защита Каро-Нана"

Белые: Леонова (Ленинград), Черные: Фомин (Берлин).

1. e2—e4 c7—c6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kf1—c3 d5—e4 4. Kc3—c4 e4—e5 5. Kc4—d3 Kf8—d7 6. Cf1—d3 Kf8—f6 8. 0—0 Фh7—c7 9. Лh1—e1 c7—e6 10. e2—c3 Cf8—d6 11. Kf3—g5 Cf8—d2. Фd1—d3 h7—h6 13.

Kg5—d4 Kf6—f4 14. Лe2—d4 Kd7—f6 15. Лc4—e2 0—0 16. Фd3—d3 f3—f4 17. Сс1—e3 g6—h5 18. h2—h3 h5—h4 19. Kg3—h1 Лh8—h5 20. Сe3—d2 Лh5—f5 21. Фd3—d3 Сd6—f4 22. Лa1—e1 Лe8—g8 23. Сd2—2f4 Фf7—d4 24. c3—c4 Лg8—d5 25. Лe1—d1 e6—e5 26. d4—d5 e6—e5 27. Kf1—e3 Лf5—e5 28. e4—d5 Kрe8—h7 29. d5—d6 Фf4—f3 30. Фd3—c4 Лf3—h3 31. f2—f4 Лg8—g3 32. Ke3—d5 33. Лf2—c1 34. Kрl1—h1 35. Лg2—h2 36. Kрl1—h2 Фe6—g4 37. Kрl2—h1 Фg3—h3 38. Фl1—2 (17) Фh3—g4 39. Kрl1—f1 Фe4—h3 40. Kрl1—g1 Согласился на ничью. 14)

Примечания

- 1) Защита, начинающаяся этим ходом, была изобретена венским шахматом Канном и развита при участии берлинца Каро. Поэтому она и носит их имя. При правильной игре черные в этой защите добиваются удовлетворительного положения.
- 2) Черные было бы f4 из-за e7. Кf3 Сd6 8. Сd3 Кe7 с неплохой игрой у черых и ослабленных королевским флангом у белых.
- 3) Бесный ход, потеря надежды на поле e5 (последует Кe5 и f4).
- 4) Препятствуя укреплению белых на поле e5 (последует Кe5 и f4).
- 5) Бесный ход, потеря надежды на поле e5, обращает свое внимание на поле e4. Попутно он "набавляет" и за довольно малым полем e6. Хотя оно и защищено пешкой f7, но не надежно.

Юношачья, начало с.ж. на стр. 16.

— Как согласились, ну и прт... А потом, когда за правоопортунистическую практику, за бесхозяйственность и главостовство бюро вынесло выговор Глазунову и в последний раз предупредило о необходимости введения круглозубного лова. Бурдюк взял слово для практических предостережений. — Мы организовали бригаду круглозубного лова, первую комсомольскую. Список команды на «КЕ» вы уже читали в «Набате». Кто нам надо, вам уже известно через «Набат».

— Но мы (да не являйтесь, Глазунов) вкратце повторим. Нам надо «КЕ» хотя бы 4 или 23, и провести приказом прикрепление парусников.

— Немного надо,—начал иронически Глазунов,—всего только «КЕ». Да и где ж мы возьмем его? С 47 надо команду снимать, на сплавных лодках, 23 где-то во Владивостоке. У нас нет шкипера, нет опытных лодов...

— А Рамбеский? — Да что ж один Рамбеский... В общем это дело рискованное и сомнительное.

— Опортунистам во штату положено сомневаться во всем,—вставил едкое словечко Бурдюк. — Вспрос решили в пользу комсомольцев. Бюро партячейки единогласно приняло решение: одобрить комсомольскую инициативу по организации ударной бригады круглозубного лова, предложить администрации немедленно представить «КЕ» и шкипера.

Борьба за «КЕ» — классовая борьба.

Это только поддела. Дальше история развивалась своим порядком: администрация, согласившись по важному бюро партячейки и «Набате» молодежи, на большинстве путине дать комсомольский «КЕ», но различными доводами оттягивало дело. Глазунов выдумывал «объективные причины». То у него времени не было, то ему стыдно не отвечает, то шкипера нельзя найти. Наконец прервется к ступе, он начал корчить «завтрашник».

Завтра передатим. Эти «завтра» продолжались целую неделю. Но потопить в море «объективных причин» комсомольскую инициативу не удалось. Пока тумлился передача «КЕ», комсомольцы насадили сети, починили, помыли их, привели в боевую готовность. Правда, когда на промысле стало известно об организации комсомольского «КЕ» круглозубного лова, то остальные группы рыбаков, находившихся в цепких объятиях традиций, встретили бригадников в стычки.

— Нос старикам утереть хотице... днем иваси ловить. Смотрите пертики не утерайте... Эти разговоры особенно подогревала мужики. Кречет даже «вспиривал», когда было видно комсомольцев, за бригаду, но... лодкам 13 июня выжили выжили бочка из-под растянутых сетей, порвали их и бросили в дудку.

К кести бригадников надо сказать, что чем больше они встречали сопротивление, тем упорнее добивались своей цели. Неутрачиваем энтузиазмом горели комсомольцы: доказываю что бы то ни стало, что днем иваси ловить, так же как и ночью, переплывали плавывова иваси, покрыть недолов по сельди.

16 июня, по распоряжению члена бюро крайкома партии, тов. Гусева, администрация промысла передала «КЕ-23» комсомольской бригаде. Долгожданный день настал. С утра ребята подготовили сети, устанавливали барабан, сталежидан, готовились к первому вылову в море.

Администрация выделила шкипера «КЕ» Кречета. Уж чего, чего, а этого ребята не ожидали. — Козда в огорок вступили,—взмусулился до глубины души комсомольцы и рыбаки промысла.

И на самом деле, назначить мужика шкипером комсомольской бригады—это ударить по ее работе. Издательскому приказу не судядено было осуществиться.

По требованию бригады, шкипером «КЕ-23» был назначен несколько дней тому назад вступивший в комсомол молодой ловец Рамбеский. Он один из инициаторов создания бригады, имеет пятилетний производственный стаж.

В бригаду вошло пять человек —Рамбеский, Бурдюк, Штгаман, Балдабанец, Мельников и Вергун. Старый комсомолец, только один Бурдюк, остальные, захваченные энтузиазмом борьбы за иваси, пришли в комсомол только в июне месяце.

17 июня «КЕ-23» вместе с прицепным парусником вышел на первый лов. В открытом море, когда сыпался сет, устроился на палубе небольшое совещание. Решили:

- Выдвинуть встречный—400 центнеров на «КЕ».
- Обвинить перкую бригаду круглозубного лова имени боевой комсомольской инициативы «Набат» и 40 д. ж. ив.
- И Бурдюк, засучив рукава, вместе с Рамбеским и Штгаманом, наметавая на обеих сторонах ивса красной краской: «КЕ-23» имени «Набат».

На следующий день упер «КЕ» привез 43 центнера иваси, предвидя по вылову все единичи промысла и мафганта.

ближайшие выпуски

по извилистой реке

1

руководитель съемки экспедиции в. черепанов
производство союзкино

растем в боях

2

производство ленинградской кино-фабрики союзкино

разводите кроликов

3

производство треста украинфильм объединения
союзкино

МОЛОТИЛКА

4

под редакцией проф. б. в. криль
режиссер — о. п. бодрова
оператор — с. рецкий
производство московской ф-ки союзкино

ВОДОПРОВОД

5

оформление режиссера с. чураковского
производство московской ф-ки союзкино

машина в культурном быту

6

сценарий в. ганчаровой ■ режиссер н. браницкий
оператор шакиязи
художник в. бластова
производство наэраблфильм

десять минут утра

7

сценарий и руководство съемками сандро диалашвили
художник с. веццаре
производство госкинопроект Грузии объединения союзкино

все номера всех годов издания до 1/VI-31 г. нашего журнала и целые комплекты высылают наложенным платежом (без задатка)

журнальная экспедиция московского областного отделения огиз'а

москва, центр, богоявленский пер., д. 5.

продажа производится в экспедиции и магазинах г. москвы:

в магазинах:

М 53 — ноховая, тел. 3-99-83

М 65 — арбат, д. 10

М 26 — сретовна, 27/29

М 57 — добрынинская пл., 60/2

по этим адресам можно приобрести все журналы всех издательств

английский
немецкий

ЯЗЫКИ

заочные

госкурсы „ин-яз“

москва, кузнецкий м., 15
— ленинград, ул. пастера, 9

проспект высылаются
за 25 коп. марки

архитекторша комсомола ибновскиа наслобедного завода им. 3-го года пятилетки.

одна из лучших ударниц завода «шарнообдирки» тов. Кузьма подаяла запыленно в комсомол.

так бьется пульс ленинского комсомола

комсомолец ударник тов. Довгов проморгав за создание лучшей
рной молодежной бригады на строительстве завода «наибр».
час тов. Довгов из десятиков выдвинут на техника.

группа китайской молодежи из китайского интерната во владивостоке проводит
очередные занятия в уголке осваивающих, половина фигурирующих на смене работ,
былаша «воины» корпуса генерала явля разгромленного сдвдв. занятые в плен они
добровольно остались у нас и стали инженерами и комсомольцами.

